

Помануть добрым делом

➤ В родительский вторник горожане навещали ушедших

РОДИТЕЛЬСКИЙ ВТОРНИК начинается до календарной даты: горожане стараются заранее обиходить родные могилы, а на Радоницу оставляют встречу с усопшими.

В этот день с утра уехать на левобережное кладбище легче, чем добраться до работы: на остановках вагоновожатые половины маршрутов выкликают: «На «Восьмое марта» – и ожидающие спешат внутрь. До конца маршрута трамвай заполнится под завязку: судя по обилию букетиков искусственных цветов и черенкам грабель в руках, почти всем – до кладбища. Лишь немногие выйдут у Свято-Никольского храма помолиться. После службы церковь пустеет, звонят колокола, а на столах в храме остается снедь для поминальных обедов. Празднование Пасхи продолжается, и лучший способ поминовения ушедших – молитва, покаяние и милостыня.

От храма на кладбище течет ручеек пешеходов. За поворотом трамвайной линии – первая линия торговли искусственными цветами. Вспоминаю восковые и проволочные цветы ручной работы, которыми торговали старушки в моем детстве. Нынче и продавец моложе, и цветы фабричные. Цены – по карману: от пяти до ста рублей – за стебелек, от двухсот – за корзинку или венок.

На второй линии по обе стороны дороги – чернявые продавцы. Вдоль рядов проходит крепкий парень с кассовым аппаратом в сопровождении молчаливой девушки – у той в руках пачка бумаг. Парень негромко, но напористо внушает чернявому: «Твой сосед уже заплатил триста по чеку. Не заплатишь – на следующий год...» Тот играет в непонятку: переспрашивает, ухмыляется, отнекивается. Кажется, после нескольких минут войны нервов победил парень с чеками, но у следующей коробки с цветами, за которой стоит парнишка с тем же акцентом, что и у предыдущего, сценарий повторяется. «Это не мое, шас за папой сбегая», – юный продавец исчезает, через секунду появляется «папа», готовый отстаивать право на «свободную» торговлю. А вдоль рядов уже спешат пацанята, извещающая «пап» на родном языке, сквозь незнакомую канву которого слышится: «налог».

Перед самым кладбищем цветочные ряды сменяются продуктовыми палатками, и я расплачиваюсь разочарованием за доверчивость:

Лучший способ поминовения усопших – молитва, покаяние и милостыня

отдел информации городской администрации извещал, что напитки будут продавать безалкогольные, а тут – пиво на каждом шагу. Вспоминаю напутствие отца Федора в Свято-Никольском: надо молиться, трезвиться, грех пить в поминальные дни, помянуть надо добрыми делами. А на кладбище вижу у могил людей, поминающих беленькой. Вижу и бродяг, допивающих водку из пластиковых стаканчиков, оставленных родственниками на

могилах. Но осуждать не берусь – не мое право.

Да и не хочется замечать чужие промахи, когда вокруг столько скорбящих: люди проходят большим потоком через ворота и растекаются по тропкам к могилкам. Расспрашиваю горожан о бытовом – как оценивают организацию

массового посещения кладбища, и невольно встречаюсь с чужим горем. Пенсионерка Любовь Теплякова навещала покойных мужа, мать и свекровь, ее сваха Фатима Хабибулина – маму и двадцатитрехлетнюю дочь, похороненную в ноябре. Женщины разной веры, но разве это разделит в горе и в родстве? Валентина Харченко

пришла к сыну одна – муж сегодня на работе, но внутри оградки они почистили заранее, так что сегодня просто молча посидела на скамье у могилы сына. Двенадцать лет носит она эту муку в сердце. Чем утешиться осиротевшим родителям? Снова вспоминаю разговор с отцом Федором. «Церковь – как заботливая мать, – говорит он. – Для нее нет забытых, как для Бога нет мертвых – он помнит всех. Если в этот день человека помянуть некому – Господь помянет. А сегодня еще и Радоница – день, когда по вести Христа умершие вместе с живыми радуются Пасхе».

Я благодарна своим собеседникам: не закрывались в своей скорби – земные вопросы тоже надо решать. На мои извинения за вопросы отвечали: «Нет, ничего». Многие отметили чистоту на кладбище, выдачу бесплатных

мешков для мусора, обеспечение технической водой, установку биотуалетов – очереди были небольшие, грамотное решение транспортного вопроса. Но некоторые из возвращавшихся жаловались на засилие автомобилей. Зная, какой кордон для транспорта выставлен у центральных ворот, я в их словах усомнилась – пока сама не стала наткнуться взглядом на автомобили по боковым дорожкам кладбища. Это был не сплошной поток в обе стороны, как в воскресенье, но после тридцатой машины я бросила подсчеты. Кто захочет, найдет лазейку и в кладбищенской ограде, и в собственной совести.

Ловцы душ действуют на улице: сектантский хор собирает средства на строительство храма прямо на территории кладбища – у центральной дороге.

Часто встречаются заплутавшие. Им бы сразу заглянуть в администрацию кладбища – там всем помогают найти «адрес» по архивным книгам и бесплатно выдают карту-схему. Но и администрации стоило озаботиться размещением заметной информации для посетителей – о готовности помочь, о размещении воды и туалетов, об организации обратного транспорта. Последнее – особенно актуально: возле кладбища на пятачке для маршруток толпа из нескольких десятков людей металась в растерянности, подогреваемая слухами на тему «сегодня остановка не здесь».

Все мы мечемся – путаемся в собственной жизни. Благо, есть кому пожалеть живых, упокоить мертвых и простить всех. Радоница – день горести и утешения.

АЛЛА КАНЬШИНА
ФОТО > АНДРЕЙ СЕРЕБРЯКОВ

➤ Кто захочет, найдет лазейку и в кладбищенской ограде, и в собственной совести